

Элеонора Алтаи



РАЗВОД

или Ирония судьбы

Элеонора Алтай

Развод, или Ирония судьбы

<https://litres.ru/74390578>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Только не говори, что твой опять в баню пошёл!
— бесцеремонно заявляется ко мне лучшая подруга, пока я накрываю праздничный стол.

— Ты же знаешь, у них традиция с парнями, ещё с института. Раз в неделю они собираются попариться.

— Ну-ну, ты смотри-ка, ни разу не пропустил за всё время. Сколько лет вы там уже женаты?

— Двадцать пять, — автоматически отвечаю ей. — К чему все эти разговоры?

Вместо ответа она протягивает мне телефон. На экране фото. Мой Егор. Сидит на краю большого дубового полока в парилке. Лицо раскрасневшееся, довольное. В одной руке — бокал, а рядом

А рядом две девушки. Почти голые. Так, прикрыты фиговыми листочками. Молодые...

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элеонора Алтай

Развод, или Ирония судьбы

1

— Только не говори, что твой опять в баню пошёл! — бесцеремонный голос лучшей подруги Марины выдёргивает меня из собственного потока мыслей.

— Ты же знаешь, у них традиция с парнями, ещё с института. Раз в неделю они собираются попариться. Каждому своё: кто-то на рыбалку ездит, кто-то в гараж... Ну а у Егора гараж — его банные посиделки по четвергам, — смотрю на свою подружку.

Маринка стоит в дверях, вся при параде, ярко покрашена, броская одежда. Не по нашему возрасту, но Маринке плевать на то, что о ней думают остальные.

Особенно после того, как она развелась с мужем из-за его измены, и с тех пор она не доверяет мужчинам.

— Ну-ну, ты смотри-ка, ни разу не пропустил за всё время. Сколько лет вы там уже женаты? — ехидно смотрит на меня.

— Двадцать пять, — автоматически отвечаю ей. — К чему все эти разговоры? У тебя что, критические дни? — меня

уже саму начинает подбешивать эта беседа.

— У меня всё просто отлично. Смотри-ка, даже на День всех влюблённых пошёл на свои посиделки, — окидывает заботливо накрытый стол подруга.

Сегодня я приготовила любимое блюдо Егора: ростбиф «Веллингтон» и торт с безе. Всё как он любит.

А ещё заноза-Маринка не видит, что под домашней одеждой на мне надето новое шёлковое бельё из французского бутика... Так что вечерок должен быть жарким... После того, как Егор придёт чистый и распаренный после своих посиделок.

Я знаю правило хорошей жены: держать мужа на поводе. Но на длинном поводке. И если ему иногда хочется погулять, сходить в баню, я ему это позволяю... Спокойная и уверенная в себе жена — залог здоровой семьи, это мой секрет.

Секрет моего долгого и здорового брака.

«Спокойная и уверенная в себе жена...» — но отчего-то эта мантра, которую я повторяю себе вот уже который год, сегодня звучит фальшиво, как дешёвая подделка под дорогие духи. Маринин взгляд, одновременно ехидный и жалостливый, прожигает меня насквозь. Она видит всё: и этот дурацкий торт, и праздничную скатерть, и восковые свечи, которые я зажгла за полчаса до его прихода, чтобы создать «атмосферу». Видит и мою наигранную уверенность, которую я сама себе внушаю.

— Двадцать пять лет, Руф... Двадцать пять лет он ходит в одну и ту же баню, в один и тот же день. Не кажется тебе странным? — Марина не унимается.

Она подходит к столу, сгребает пальцами крошки безе с тарелки. Её маникюр — ярко-алые когти, готовые вонзиться в моё шаткое благополучие.

— У моего бывшего тоже была своего рода «баня». Только оказалось, что в этой бане его ждала любовница в два раза младше меня.

— Егор не твой бывший, — отрезаю я, и голос мой звучит слабее, чем хотелось бы.

Я ненавижу эту защитную позицию. Ненавижу, что уже двадцать пять лет я, как сторожевой пёс, охраняю границы своего брака от чужих посягательств и — что хуже всего — от собственных подруг.

— У них деловые встречи. Расслабленная атмосфера, все дела. Ты же знаешь, как у них в бизнесе принято.

— Ага, — фыркает Маринка. — Знаю. Очень даже знаю. Особенно про «расслабленную атмосферу».

Она достаёт из кармана своих узких джинсов телефон. Её пальцы быстро листают экран. У меня сжимается желудок. Предчувствие, острое и липкое, как смола, заполняет всё существо. Я не хочу смотреть. Хочу, чтобы она ушла. Хочу остаться одной с моим ростбифом и глупой верой в то, что мой брак — это крепость.

— Марин, хватит. Иди уже. Егор скоро вернётся.

— Он не скоро вернётся, — парирует она, и в её голосе нет уже ехидства.

Есть какая-то странная, почти материнская жалость, от которой мне становится до тошноты страшно.

— Посмотри. Просто посмотри. Один из подписчиков выложил в закрытый чат «Рублёвка Онлайн». Для своих, так сказать. Чтобы все были в курсе, кто как «отдыхает».

Она протягивает мне телефон. Рука у меня дрожит, будто я старая, дряхлая старуха. Я не хочу брать. Но беру. Пальцы сами сжимаются вокруг холодного стекла.

И я вижу.

Не просто фотографию. Я вижу ад. Ад, обёрнутый в пар и дорогой кафель.

Это он. Мой Егор. Егор Петрович. Сидит на краю большого дубового полока в парилке. Лицо покрасневшее, довольное. В одной руке — бокал, не пиво, а что-то благородное, коньяк, наверное. А рядом...

А рядом две девушки. Почти голые. Так, прикрыты фиговыми листочками. Молодые. Кожа упругая, гладкая, без единой морщинки, без растяжек, без следов двадцатипятилетней жизни рядом с одним мужчиной. Одна прильнула к его плечу, смеётся, закинув голову. Другая сидит чуть пониже, её длинные волосы касаются его голени.

А Егор лишь довольно улыбается. Эта улыбка — сытая, самодовольная, собственническая, мне отлично знакома. Так он улыбался, когда мы купили нашу первую машину.

Так он смотрел на нашу новорождённую дочь.

Подпись под фото режет глаза, будто раскалённым ножом: «Егор Петрович отрывается после сделки с девчонками из Казани. Мужик!»

Мужик.

Слово ударяет в висок. Всё плывёт перед глазами: стол с едой, лицо Марины, залитая вечерним светом наша просторная кухня-гостиная в этой дурацкой квартире в Жуковке, которую он так гордо называл «нашим семейным гнездом». Гнездом. Где он вил его, это гнездо? Здесь, с нами? Или там, в этой проклятой бане «Лотос»?

Звон в ушах нарастает. Я не плачу. Слез нет. Есть какая-то пыльная, мёртвая пустота внутри. Двадцать пять лет. Двадцать пять лет я накрывала этот стол. Ждала. Стирала его рубашки. Слушала его рассказы о «тяжёлых переговорах». Вытирала пот со лба, когда он болел. Держала его руку на похоронах его матери. Двадцать пять лет я была частью него. А он... он был просто мужиком, который «отрывается».

— Руф... Руфина, дыши, — доносится до меня голос Марины, но он будто из другого измерения. — Соберись. Может, это просто дипфейк? Может...

Я перевожу взгляд на неё. Вижу в её глазах не вопрос, а утверждение. Она знала. Чёрт возьми, она знала! Все эти годы!

И молчала. Или ждала подходящего момента, чтобы вогнать нож глубже? Нет, сейчас не до этого. Сейчас не до

выяснения отношений с подругой.

Моё тело начинает действовать само, помимо воли, помимо разума. Я кладу телефон на стол. Аккуратно, будто это хрупкая вещь. Подхожу к вешалке в прихожей. Мои движения автоматические, выверенные. Беру свою кожаную куртку. Ключи от его подарка — большого чёрного «Мерседеса», на котором он так любил катать своих «деловых партнёров», — висят на привычном крючке.

— Ты куда? — почти кричит Марина. — Руфина, опомнись! Что ты собралась делать?

Я не отвечаю. Какие могут быть слова? Слова кончились. Остались только действия. Я натягиваю куртку. Беру ключи. Тяжёлая холодная связка впивается в ладонь.

— Руф, не делай глупостей! Позвони ему для начала! Выясни всё!

Я поворачиваюсь к ней. Вижу своё отражение в зеркале-солнце напротив — бледное, в одно мгновение постаревшее и осунувшееся лицо, глаза, горящие сухим, яростным огнём. Это лицо незнакомой мне женщины. Женщины, которую предали.

— Я двадцать пять лет ничего никогда не выясняла. Жила в своё скорлупке, как видишь, — говорю я, и голос мой звучит тихо, но с такой стальной интонацией, что Марина отступает на шаг. — Хватит. Сейчас всё и выясню заодно.

Я выхожу из квартиры. Дверь за мной защёлкивается с тихим, но безжалостным щелчком. Он звучит громче любого

хлопка. Это звук конца. Конца той жизни, которую я знала.

Лестница, лифт, подземный паркинг – всё это проплывает мимо, как в тумане. Я сажусь за руль. Кожаный салон пахнет им. Его одеколоном, его сигарами. Сегодня этот запах вызывает рвотный спазм. Включаю зажигание. Мотор рычит, как разъярённый зверь. Я выезжаю из подземной тьмы на вечернюю Рублёвку.

Куда я еду? В баню «Лотос». Адрес я знаю наизусть. Сколько раз он его называл, отправляясь на свои «деловые встречи» и посиделки с друзьями. Сколько раз я равнодушно кивала, думая о своих делах.

Теперь я еду туда не как жена. Я еду туда как обвинитель. Как палач. Как женщина, у которой отняли двадцать пять лет жизни и выбросили их, как мусор.

Машина несётся по ночной дороге. Я давлю на газ, не глядя на спидометр. В глазах стоит одно-единственное изображение: его довольная улыбка и голые тела этих девчонок. Эти тела, которые не рожали ему детей. Которые не знали, каким он был в двадцать лет — бедным, амбициозным, влюблённым.

Слёзы наконец накатывают. Они текут по лицу горячими, солёными ручьями, но я их не вытираю. Я сжимаю руль так, что пальцы белеют. Это слёзы не жалости к себе. Это слёзы ярости. Слепой, всепоглощающей ярости.

«Лотос» появляется впереди — неброское, но дорогое здание с охраняемой территорией. Я сворачиваю на парков-

ку, глушу двигатель. Сажу секунду, слушая стук собственного сердца. Оно колотится где-то в горле, бешено, неровно.

Всё. Точка невозврата пройдена.

Я распахиваю дверь и выхожу из авто.

Воздух в «Лотосе» густой, сладковатый, пахнет дубовым веником, ароматическими маслами и... чем-то ещё. Пошлым, телесным. Я никогда здесь не была. Егор всегда говорил: «Женское дело – домом заниматься, а баня – это мужская территория». Теперь я понимаю, что это значило.

Меня встречает охранник в чёрной форме, с каменным лицом. Его взгляд скользит по моей кожаной куртке, по лицу, на котором ещё не высохли следы слёз. Он видит всё это – и остаётся невозмутимым. Здесь, наверное, часто бывают такие жёны. С искажёнными от горя и гнева лицами.

— Мне к Егору Петрову, — говорю я, и голос мой звучит хрипло, незнакомо.

— Номер «Омега», — бросает охранник, даже не проверяя списки.

Он знает. Он знает, куда я иду. Эта мысль вонзается в меня, как лезвие. Здесь все знают. Весь этот «Лотос» – это один большой, хорошо охраняемый бордель под вывеской элитного клуба.

Я иду по длинному коридору с мягким ковровым покрытием. Стены отделаны тёмным деревом, горят бра в виде факелов. Идиотская стилизация под старину. Всё это дорого, безвкусно и лживо, как сам Егор в последние годы. Из-за

дверей доносится смех, пьяные возгласы, плеск воды. Мне кажется, я слышу его смех. Его громкий, уверенный хохот, который я всегда так любила.

Вот она – дверь «Омега». Массивная, из красного дерева. Я останавливаюсь перед ней. Ладонь потеет. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Что я там увижу? Может, Марина права? Может, это всё-таки фотошоп? Может, он действительно просто парится с мужиками, а эти девушки... случайно попали в кадр? Дипфейк, как выразилась подруга?

Последний луч надежды, глупой, наивной надежды, согревает меня на секунду. Я вдруг вспоминаю, как он вчера утром, перед уходом на работу, поцеловал меня в шею и сказал: «Скучаю уже по тебе, Руфка». Солгал. Всё это была ложь.

Я не стучу. Я берусь за тяжелую медную ручку и с силой распахиваю дверь.

И замираю.

Первый удар – это он. Мой муж. Егор. Сидит в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу. На нём – только белое полотенце, обёрнутое вокруг бёдер. В руке – бутылка дорогого импортного пива. Он один. В номере тихо, играет какая-то спокойная музыка. Он смотрит на меня, и на его лице – не вина, не ужас, а самое настоящее, неподдельное раздражение. Как будто я вломила к нему в кабинет в самый

разгар важных переговоров.

— Руф? Ты чего тут делаешь? – его голос резок, в нём нет ни капли смущения. Он смотрит на меня, как на надоедливую муху.

Я не могу вымолвить ни слова. Я просто стою и смотрю на него. На его тело, которое я знаю лучше своего. На эти знакомые морщинки вокруг глаз, на седину на висках, которую он так тщательно скрывает. Он выглядит... расслабленным. Домашним. Таким, каким бывает после хорошей бани. И эта картина так не стыкуется с тем адом, что я видела на фотографии, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Может, и правда ошиблась?

Но тут его взгляд скользит за мою спину, в глубь номера, туда, где находится дверь в парную. И в его глазах мелькает что-то... тревожное. Быстрое, как вспышка.

— Руфина, я серьёзно, что случилось? – он встаёт, его движение резкое, нервное. – Ты вся бледная. Машина сломалась?

И в этот самый момент дверь в парную с силой распахивается.

Пар, густой и тяжёлый, клубами вырывается в комнату. А за ним – они.

Сначала мужики. Незнакомые лица, наверное, те самые деловые партнёры Егора. Раскрасневшиеся, потные, с сигарами в зубах. Они громко хохочут, что-то кричат друг другу. А потом... потом девушки.

Три девушки. Совершенно голые. Их тела распаренные, влажные, розовые. Они смеются, визжат, одна пытается накинуть на себя маленькое полотенце, но оно соскальзывает. Они молодые.

Очень молодые. Им нет и двадцати. Их тела – это реклама здорового образа жизни, который они явно не ведут. Ни следов беременности, ни целлюлита, ни чего такого, что есть у меня, у женщины, прожившей с ним четверть века.

Одна из них, блондинка с длинными до пояса волосами, шатаясь, подходит к Егору и обнимает его за талию.

— Егор Петрович, а вы чего тут застряли? Скучно без вас! – она хихикает и целует его в плечо.

Он не отталкивает её. Он застывает, как статуя. Его лицо превращается в маску. Маску холодной ярости. Но не к ней. Ко мне. Я – источник его проблем. Я – та, кто помешал его празднику жизни.

— Руфина, уходи отсюда, – цедит он сквозь зубы.

Его голос низкий, опасный.

— Сейчас же. Это деловая встреча.

Я смотрю на него. На эту девушку, прилипшую к его боку. На других мужиков, которые уже перестали смеяться и смотрят на эту сцену с тупым любопытством. На двух других девчонок, которые прикрывают себя руками, но в их глазах нет стыда. Есть лишь скука и легкое раздражение от того, что их праздник ненадолго прервался.

— Деловая... встреча? – мой голос – это просто шепот,

хриплый выдох. — С... голыми... девками?

— В бизнесе так нормально! — вдруг взрывается он. Он делает шаг ко мне, резко отрывая руку блондинки от своего тела. Та отступает, надув губки. — Ты чего вообще здесь делаешь? Ты с ума сошла? Шпионишь за мной?!

Он хватается меня за руку. Его пальцы сжимают моё запястье с такой силой, что кости хрустят. Боль пронзает меня, острая, физическая. Но она ничто по сравнению с той болью, что разрывает мне душу.

Оттаскивает меня в сторону, шипит, брызгая мне от злости в лицо слюной, чтобы его деловые партнеры не услышали его:

— Это часть переговоров! Расслабление! Так весь мир работает, Руфина! Ты что, в пещере живешь?! А ты думала, как, по-твоему, подписываются многомиллионные контракты?! — хрипит мне в лицо.

Его глаза — сухие. В них нет ни капли раскаяния. Только злость. Раздражённое, брезгливое непонимание: чего это она, дура баба, смеет врываться в его мужской мир и нарушать его правила? Мешать важным деловым переговорам.

Я вырываю руку. Смотрю на него. На этого незнакомца, который ещё минуту назад был моим мужем. Я вижу каждую чёрточку его лица и не узнаю его. Это не тот человек, которого я любила. Это не тот человек, с которым растила дочь. Это какой-то другой. Чужой. Опасный.

— Ты... ты никогда бы не подумал... — начинаю я, пыта-

ясь вспомнить его оправдание, которое он, наверное, уже готовил.

— Конечно, никогда! – перебивает он, и его тон смягчается, становится почти заискивающим, но это фальшь, я слышу её. – Руф, малыш, это просто бизнес. Ритуал. Я же тебе говорю! Ничего такого не было. Ты же мне веришь?

Он смотрит на меня своими голубыми, теперь такими честными глазами. Таким взглядом он смотрел на меня, когда просил прощения за то, что забыл о нашей годовщине. Таким взглядом он убеждал меня вложить все наши сбережения в его первый бизнес. И я всегда верила. Всегда.

И думала, что не проиграла...

Я медленно перевожу взгляд на блондинку. Она стоит в стороне, кусая губу, и злобно смотрит на меня. Она ненавидит меня. Ненавидит за то, что я – законная жена. За то, что я помешала её веселью.

— Веришь, Руф? – снова спрашивает Егор, и в его голосе появляются нотки нетерпения. Ему нужно, чтобы я успокоилась и ушла. Чтобы этот неприятный инцидент был исчерпан.

Я делаю глубокий вдох. Пар от парилки, смешанный с запахом пива, духов этих девушек и мужского пота, заполняет мои лёгкие. Этот запах будет преследовать меня вечно.

— Нет, – говорю я тихо, но так, что слышит каждый в комнате. – Нет, Егор. Я тебе не верю.

Я поворачиваюсь и выхожу из номера. Я не бегу. Я иду медленно, с прямой спиной. Я чувствую на себе его взгляд – растерянный, злой. Чувствую взгляды этих мужиков и этих девчонок. Они провожают меня, как странное, нелепое привидение из другого мира.

Я выхожу на улицу. Ночной воздух холодный, чистый. Он обжигает мои лёгкие. Я останавливаюсь у своей машины, опираюсь на холодный капот и наконец позволяю себе задрожать. Всё моё тело бьёт крупная дрожь. Слёзы снова текут по лицу, но теперь это слёзы не ярости. Это слёзы абсолютной, всепоглощающей пустоты.

Он солгал. Прямо мне в лицо. С холодными, сухими глазами. Он не просто изменил. Он жил двойной жизнью. И самое страшное – он даже не считает, что сделал что-то ужасное. «В бизнесе так нормально». Эта фраза отзывается в моей голове оглушительным эхом.

Я сажусь в машину. Руки трясутся так сильно, что я с третьей попытки вставляю ключ в замок зажигания. Смотрю на себя в зеркало заднего вида. Там та же незнакомая женщина с мёртвыми глазами.

Он думает, что всё кончено. Что я приеду домой, мы поговорим, он меня уболтает, и жизнь войдёт в привычную колею. Он думает, что я та самая «спокойная и уверенная в себе жена», которая закроет глаза на любую гадость.

Но он ошибается.

Та женщина умерла там, в номере «Омега», под взглядом голых девчонок и пьяных мужиков.

А на её месте родилась другая. Та, у которой больше нет ничего за душой. Ни любви, ни надежды, ни иллюзий. Только холодная, ледяная ясность и жгучее желание одной вещи.

Мести.

Я завожу мотор и медленно выезжаю с парковки «Лотоса». Я не смотрю назад. Смотреть не на что. Моя прошлая жизнь осталась там, в клубах пара и во лжи моего мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.